

УДК 81–112

ЗАМЕТКИ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИИ «ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ» В ЭЛЕКТРОННОМ КОРПУСЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XI ВЕКА

© Юлия Капралова

NOTES ON THE FUNCTION OF THE CONSTRUCTION “DATIVUS ABSOLUTUS” IN THE ELECTRONIC CORPUS OF 11TH CENTURY SLAVONIC-RUSSIAN MANUSCRIPTS

Julia Kapralova

Based on the Electronic Corpus of Old Russian texts of the 11th century this article deals with semantical-syntactic peculiarities of variational East Slavic forms of the dative autonomous. The purpose of the similar historical and linguistic studies is to satisfy the needs of fundamental linguistics, and of a new trend of historical linguistics, for an extensive and reliable material for further research. For the first time, the article presents an exhaustive list of contexts with *dativus singularis*, compiled with the help of the diachronic, comparative-historical and quantitative methods of investigation and the elements of structural analysis. It also provides a complete quantitative summary of distribution of these variational forms. Computer technologies were used in realization of the statistical method, which was made possible due to the collaboration of Kazan Federal University with Sofia University named after St. Kliment Ohridski (Bulgaria). A continuous sample of forms and a quantitative analysis enabled us to put forward new concepts of the linguistic structure of the 11th century Old Russian language. Particularly relevant, from this point of view, is the study of the Corpus of Slavic-Book Texts as they bring us closer to the Old Slavic language reality and allow us to identify both normative and innovative phenomena in the original Old Russian language system of the 11th century. This study focuses on the original function of the Old Russian dative autonomous (*dativus absolutus*), which became a sign of semantically marked sacral texts. These features became a striking characteristic of the Old Russian bookish-literary language, which indicates the interdependence of traditional written norms and living language processes.

Keywords: Electronic Corpus, Electronic Paleoslavistika, Historical Linguistics, Old Russian language of the 11th century, dative autonomous, variative forms.

В статье рассматриваются семантико-синтаксические особенности вариативных восточнославянских форм в обороте «дательный самостоятельный» на материале электронного корпуса древнерусских текстов XI века. Основной целью проведения подобных историко-лингвистических исследований является удовлетворение потребностей фундаментального языкознания в объемном и достоверном для дальнейшего изучения материале. Впервые при помощи диахронического, сравнительно-исторического и количественного методов исследования, а также элементов структурного анализа установлен исчерпывающий перечень контекстов с *dativus singularis* и приведена полная количественная сводка распределения данных форм. Использование статистического метода проводилось посредством компьютерных технологий, что в свою очередь стало реальным благодаря сотрудничеству Казанского федерального университета с Софийским университетом им. св. Климента Охридского (Болгария). Сплошная выборка форм и количественный анализ дали возможность выдвинуть новые концепции языкового строя древнерусского языка XI века. Особенно актуальным с этой точки зрения является изучение корпуса славяно-книжных текстов, так как именно они, с одной стороны, приближают нас к старославянской языковой действительности, с другой – позволяют выявить как нормативные, так и инновационные явления в исходной древнерусской языковой системе XI века. В данном исследовании основным тезисом является доказательство оригинальности функционирования древнерусского дательного самостоятельного (*dativus absolutus*), который является приметой маркированных семантически сакральных текстов. Эти особенности становятся яркой чертой древнерусского книжно-литературного языка, что свидетельствует о взаимозависимости традиционной письменной нормы и живых языковых процессов.

Ключевые слова: электронный корпус, электронная палеославистика, историческая лингвистика, древнерусский язык XI века, дательный самостоятельный.

Славяно-русские тексты (или церковнославянские памятники письменности) в современном историческом языкознании являются все более востребованным объектом исследования. Как совершенно новые, так и классические исследования по исторической грамматике русского языка свидетельствуют о том, что в ортодоксальных церковно-книжных текстах древнерусского языка наблюдаются очень ранние примеры восточнославянизмов, которые и вызывают пристальный интерес со стороны исследователей истории русского языка.

Сегодня компьютерные технологии и корпусная лингвистика дают исследователям принципиально иные инструменты, что способствует активному развитию новых научных направлений в славянской филологии – электронной палеославистики (дигтальной или компьютерной) и электронной медиевистики: создаются диахронические (исторические) корпуса, состоящие из цифровых версий средневековых источников. «В результате появления интернет-изданий памятников письменности рождается новый не только научный, но и общекультурный феномен. Трудно- и малодоступные или вовсе недоступные рукописные книги Средневековья становятся по-настоящему всеобщим мировым достоянием. И пока не будет описана большая часть этих рукописных сокровищ, наши знания об эволюции древнеславянских языковых систем письменности будут оставаться неполными» [Жолобов, с. 34]. Преимущества электронного корпуса, по сравнению с электронной библиотекой или печатными изданиями, очевидны: это и возможность нахождения необходимого для анализа текстового материала за сравнительно небольшое количество времени, и возможность отбора, группировки и сортировки материала в зависимости от различных характеристик текстов и / или рукописей, а также самих лингвистических данных, возможность количественного анализа больших массивов текстовых фактов и т. д. [Баранов, с. 29].

Проведение данного оригинального исследования стало возможным благодаря уникальному проекту «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic» создания электронной версии древнерусских текстов XI в. в виде микрофильмов и фотокопий с рукописных оригиналов, с сохранением всех структурных (страницы, столбцы, строки), фонетических (глоссы, интерполяции), орфографических и грамматических особенностей [SofiaTrondheimCorpus]. Исследование книжного

памятника Путятиной минеи основывалось на электронной версии текста, созданной научно-исследовательской проектной группой Удмуртского университета [manuscripts.ru]. Таким образом, материалом для исследования послужили все сохранившиеся славяно-книжные рукописи древнерусского языка XI века: 20 неравнообъемных текстов церковно-книжного стиля с рядом жанровых подтипов (жанрово-стилистическое деление текстов основывается на классификации А. М. Камчатного [Камчатный, с. 57] и Н. А. Мещерского [Мещерский, с. 43]):

1. Литургические памятники: *Евангелия*: ЕвО – Остромирово евангелие 1056–1057 гг., 294 л.; ЕвА – Архангельское евангелие 1092 г., 178 л.; ЕвТ – Туровское евангелие, 10 л.; *Минеи*: Мин с. – Минея служебная, сентябрь, 1095–1096 гг., 176 л.; Мин ок. – Минея служебная, октябрь, 1096 г., 127 л.; Мин н. – Минея служебная, ноябрь, 1097 г., 174 л.; МинП – служебная, май (Путятина минея), 135 л.; МинД – Минея служебная, июнь (Минея Дубровского), 15 л.;

2. Агиографические памятники: ЖК – Житие Кондрата, 2 л.; ЖФ – Житие Феклы, 2 л.; ПС – Патерик синайский, 184 л.;

3. Религиозно-дидактические памятники: *Изборники*: Изб 1073 – Изборник Святослава 1073 г., 266 л.; Изб 1076 – Изборник Святослава 1076 г., 277 л.; *Толковые псалтыри*: ПсБ – Бычковская псалтырь с гадательными приписками, 9 л.; ПсЕ – Евгеньевская псалтырь, 22 л.; ПсЧ – Чудовская псалтырь, 176 л.; *Учительная литература* (в том числе произведения торжественного красноречия – книги смешанного жанра, так как включают в свой перечень разделы церковно-исторического, богословского, назидательного и проповеднического характера): ПА – Пандекты Антиоха черноризца, 310 л.; ЛВ – Листок Викторова, 1 л.; ЗлБ – Златоструй Бычкова, 4 л.; ГБ – Тринадцать слов Григория Богослова, 377 л.

Анализируя синтаксические особенности функционирования сингулярных именных форм в древнерусских текстах XI века, мы получаем новые знания о состоянии старославянского языка на данном историческом этапе, в силу того что древнерусские книги исследуемого периода – это точные копии старославянских текстовых источников, в которых обнаруживаются инновационные языковые моменты в деклинационной именной системе.

В научной литературе до сих пор открыт вопрос о синтаксических особенностях функционирования вариативных форм древнерусской па-

дежной системы, особенно это касается самобытных синтаксических конструкций древнерусской грамматики (то есть определение зависимости распределения окончаний дативуса сингуляриса ДП ед. числа от семантико-синтаксических условий).

Рассуждая о семантико-синтаксических принципах дистрибуции флексий дательного падежа единственного числа (далее – ДП ед.ч.), мы имеем в виду то значение ДП, которое приобретает словоформой в условиях конкретного синтаксического сосуществования (в словосочетаниях, в предложениях, в синтаксических оборотах).

Рассмотрим детально особенности выражения конструкции «дательный самостоятельный» (далее – ДС) в свете функционирования вариативной флексии *-ови (-еви)* в данном обороте, так как появление формативно-определенной единицы в маркированном синтаксическом обороте есть признак дополнительной функциональной нагруженности флексии, что несет за собой некоторые особенности смысловой неоднозначности всего оборота.

Свои грамматико-синтаксические особенности есть, безусловно, в любом языке. Если обратиться к теориям, когда-либо звучащим по вопросу дательного самостоятельного, то обнаружим ряд следующих мнений. Греческому языку хорошо известно такое синтаксическое явление, как *genetivus absolutus*, или родительный самостоятельный, когда придаточное предложение с обстоятельственным значением заменяется сокращенным вариантом, состоящим из имени в родительном падеже (субъект действия) и согласованного с ним причастия (предикат). Идентичное явление встречается в текстах церковнославянской и древнерусской письменности: вместо греческого родительного самостоятельного здесь употребляется дательный самостоятельный падеж. В своей исторической грамматике Ф. И. Буслаев рассматривает русский дательный самостоятельный в качестве полного соответствия греческому родительному самостоятельному, находя параллели соответствия в латинском языке (творительный самостоятельный) и в готском языке (тоже дательный самостоятельный) [Буслаев, с. 466]. Но существует и ряд доказательных противоположных мнений. Так, в своих исследованиях древнерусского синтаксиса И. Белорусов приводит некоторые примеры уникальности перевода дательного самостоятельного. Тем не менее, ДС встречается почти исключительно в тех памятниках древнерусского письма, которые носят отпечаток искусственности (переведенности), в памятниках же безыскусственных (пред-

ставляющих живую речь) ДС не встречается [Белорусов, с. 71, 77]. А. А. Потебня считал оборот ДС самобытным языковым явлением в древнерусском языке с возможными трансформациями исходной формы [Потебня, с. 334]. По мнению В. И. Борковского, дательный самостоятельный является ярким моментом восточнославянского синтаксиса (особенно в исходном варианте – с согласованным причастием в дательном падеже). Однако в то же самое время этот оборот не имел широкого и повсеместного распространения, чем и объясняется тот факт, что он проник не во все жанры древнерусской литературы и встречается только в текстах с книжными устойчивыми формулами: этот оборот не обнаруживается ни в грамотах на пергамене, ни в грамотах на бересте [Борковский, Кузнецов, с. 446–451].

Рассмотрим все примеры дательного самостоятельного, встречающиеся в нашем электронном корпусе древнерусских текстов XI века, с учетом вариативности распределения окончаний дательного падежа единственного числа *-ови (-еви)* // *-у (-ю)*. Классификация распределения ДС приводится по теории древнерусского синтаксиса А. Н. Стеценко [Стеценко, с. 127]. Среди конструкций ДС выделяются две разновидности:

1. Субъект дательного самостоятельного с флексией в ДП ед.ч. *-ови (-еви)* и субъект независимого предложения с глагольным сказуемым один и тот же: нет примеров (такие конструкции, по мнению А. Н. Стеценко, встречаются в древнерусских памятниках крайне редко [Там же, с. 127–129]).

2. Субъект дательного самостоятельного с флексией в ДП ед.ч. *-ови (-еви)* и субъект в предложении с глагольным сказуемым разные – 14 примеров:

Въ онѣ вѣшѣдѣшю іс ови въ каперьнаоу мѣ пристоупи къ немуу сътъннкъ молн г ла 30а ЕВА; Въ онѣ прѣходѣшю іс ви по немь ндоста дѣва слѣпца 33b ЕВА; Въ онѣ исходѣшю іс ви ѿ ирхона по немь ндоу народн 40b ЕВА; Въ онѣ прншѣдѣшю іс ви въ страну гадарѣньскоу сърѣте н моужь итеръ ѿ града 55b ЕВА; Въ онѣ сѣшѣдѣшю іс ви съ горы сърѣте народы мѣногы 57а ЕВА; Въ онѣ высть ндоушю іс ви въ поуть рече итеръ къ немуу 58b ЕВА; Въ онѣ вѣходѣшю іс ви въ вѣсь итероу сърѣтоша н десать прокаженъ мѣжъ 63b–64а ЕВА; Въ врѣмѣ оно прншѣдѣшоу іс ви въ странѣ гергесньскѣ сърѣтоста н дѣва вѣсьноуѣща са отъ гробѣ нходѣща люта зѣло 65b ЕВО; Въ врѣмѣ оно ншѣдѣшоу іс ви на землѣ гадарньскѣ сърѣте н мѣжъ нѣкын отъ града 98b ЕВО; Въ врѣмѣ оно

сѣшдѣшоу ни совн съ горы сѣрѣте н народѣ лѣногѣ 102а ЕВО; *Еѣ врѣма оно сѣдѣшоу нисѣвн* на горѣ илеоньстѣ прнстѣпнша къ ннмоу оуѣеннцн 143с ЕВО; *Еѣ врѣма оно вѣхѣдѣшоу ꙗꙋсѣвн* вѣ вьсь нѣкж2 н сѣрѣте н ꙗꙋ ꙋпрокаженѣ мжжъ 109а ЕВО; *Еѣ врѣма оно вѣлѣзѣшоу нисѣ вн* вѣ корабль пнсѣ сего мѣ а вѣ дѣ 245с ЕВО; н гласовн слово н урьтожннковн женнхѣ *оустраѣцю гв н* людн нздрадннѣ прѣдѣоунѣшн къ доуховн водо 2 158b ГБ;

3. Субъект в обороте «дательный самостоятельный» с флексией в ДП ед.ч. -у (-ю) – 6 примеров:

Еѣ патое на десѣте лѣто владычества тнверна кесара шѣладаюцю понтѣскоуоумоу пнлатоу нюдею н *уѣтвѣртовластьствоуюцю* галнлею *нродоу* фнлнпоу же братоу *нго* 150b ЕВА; *вѣшдѣшоу ни соу* вѣ капѣрѣнаоумѣ н прнстѣпн къ ннмоу сѣтнннѣ 64а ЕВО; *Еѣ врѣма оно нсѣдѣшоу ни соу* отѣ нернхона по ннмь ндоша народн лѣнозн 76b ЕВО; *Еѣ врѣма оно вѣыть ндѣшоу ни соу* по пѣтн рече нѣктын къ ннмоу 103d ЕВО; донде вѣздасть все длѣжѣное мое н *петроу вѣпроснѣвѣшоу* колншѣдѣ оставлю братоу своѣмоу аште сѣгрѣшнтѣ мнѣ 149d ПА; *нко всн вѣрѣвавѣшн вѣахѣ вѣкжпѣ н нмахѣ все овѣште н по малѣ народоу же вѣрѣвавѣшнмоу* срѣце н дѣша нднна 168a–168b ПА.

В исследуемом нами электронном корпусе текстов представлены так сказать «правильные» контексты ДС с флексиями на -ови (-еви) – это регулярное сочетание имени существительного или местоимения в дательном падеже с согласованным с ним причастием. Такие образования являются постоянным признаком грамматической нормы церковнославянского (книжнославянского) языка [Ремнева, с. 42]. Функционирование флексии на -у (-ю) в ДС представлено в иных семантико-синтаксических условиях, что дает возможность называть это явление синтаксиса уникальным языковым фактом древнерусского языка XI века, оговаривая все же тот момент, что весь корпус текстов являет собой точную переводную с греческого языка копию. Подобные оригинальные контексты примеров встретились в корпусе книг XI в. исключительно с финалью -у (-ю):

1. ДС в качестве самостоятельного предложения: *Еѣ патое на десѣте лѣто владычества тнверна кесара шѣладаюцю понтѣскоуоумоу пнлатоу* нюдею н *уѣтвѣртовластьствоуюцю* галнлею *нродоу* фнлнпоу же братоу *нго* *уѣтвѣртовластьствоуюцю*

нтоуриною н *трахоннтѣскою* страною н *лѣсанню* *уѣтвѣртовластьствоуюцю* авнлнннню ... н *лѣсанню* *уѣтвѣртовластьствоуюцю* авнлнннню прн архнрерн *анѣ* н *канафѣ* 150b–151a ЕВА.

2. ДС в составе сложноподчиненного предложения: *нкоже н азѣ тѣ помнловахѣ н разгнѣвавѣ сѣ прѣдасть н мжунтелемѣ донде вѣздасть все длѣжѣное мое н петроу вѣпроснѣвѣшоу* колншѣдѣ оставлю братоу своѣмоу аште сѣгрѣшнтѣ мнѣ до сѣднншѣдѣ лн отѣвѣшѣта емоу г ѣ 149d ПА.

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ дистрибуции вариативных форм на -ови (-еви) и -у (-ю) в обороте «дательный самостоятельный» приводит к выводу о том, что финаль -ови (-еви) представляет преимущественно имена собственные (13 примеров) и лишь единожды встречается в нарицательном имени. Особо важным моментом здесь является именно семантика маркированных именных форм: это только именованная Бога. В то время как флексия -у (-ю) в подобных оборотах с дательным самостоятельным оформляет как сакрально-маркированные, так и нейтральные имена. «Оригинальный» дательный самостоятельный оформлен только флексией -у (-ю), окончание -ови (-еви) используется исключительно в конструкциях «дательный самостоятельный» в случае его замены на обстоятельство прилагательное предложение [Белорусов, с. 79]. Ситуация недифференцированного выбора окончаний в одном синтаксическом обороте свидетельствует в пользу формальной маркированности нерегулярного в использовании писцами грамматического средства (в данной ситуации окончания -ови (-еви)). Для достижения определенных коммуникативных целей древнерусский писец абсолютно осознанно предпочитает маркированные грамматические формы (флексия -ови (-еви)) нейтральным (флексия -у (-ю)). Безусловно, это противопоставление особенно заметно в текстах книжного сакрального стиля, где каждая грамматическая и лексическая единица семантически релевантна. В текстах иного стиля маркированность, достигнутая за счет предпочтения определенных языковых единиц (формы на -ови (-еви)), опустошается. В рассмотренном нами синтаксическом обороте при его переводе изменяется только одна языковая единица и только в определенных семантико-синтаксических условиях.

Список литературы

Баранов В. А. Исторический корпус «Манускрипт»: особенности источников, разметки, запросов и демонстрации данных // Письменное наследие и ин-

формационные технологии. «EL'MANUSCRIPT–2015». Международная научная Школа: Материалы: Новосибирск. 2015. С. 29–33.

Белорусов И. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянских и древнерусской письменности // Русский филологический вестник. Варшава. 1899. № 1. С. 71–146.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 4-е. М.: ЛКИ, 2007. 512 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.

Жолобов О. Ф. Казанская коллекция интернет-изданий славяно-русских рукописей XII–XIV веков // Письменное наследие и информационные технологии. «EL'MANUSCRIPT–2015». Международная научная Школа: Материалы: Новосибирск. 2015. С. 34–36.

Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 688 с.

Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинград ун-та, 1981. 280 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Просвещение, 1958. 536 с.

Ремнева М. Л. Особенности литературного языка Древней Руси. М.: Изд-во МГУ, 1991. 103 с.

Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высш. шк., 1977. 352 с.

Manuscripts.ru. URL: <http://www.manuscripts.ru> (дата обращения: 19.01.2017).

SofiaTrondheimCorpus. URL: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus> (дата обращения: 20.02.2017).

References

Baranov, V. A. (2015). *Istoricheski korpus «Manuskript»: osobennosti istochnikov, razmetki, zaprosov i demonstratsii dannykh* [Historical Corpus “Manuscript”: Features of Sources, Layout, Queries and Data Display]. *Pis'mennoe nasledie i informatsionnye tekhnologii*. «EL'MANUSCRIPT–2015». Mezhdunarodnaia nauchnaia Shkola. Proceedings, pp. 29–33. Novosibirsk. (In Russian)

Belorусov, I. (1899). *Datel'nyi samostoiatel'nyi padezh v pamiatnikakh tserkovnoslavianskikh i drevnerusskoi pis'mennosti* [The Dative Autonomous Case in the Monuments of Church Slavonic and Old Russian Writings]. *Russkii filologicheskii vestnik*, No. 1, pp. 71–146. Varshava. (In Russian)

Borkovskii, V. I., Kuznetsov, P. S. (2007). *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 512 p. Moscow, LKI. (In Russian)

Buslaev, F. I. (1959). *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 623 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)

Kamchatnov, A. M. (2005). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: XI – pervaiia polovina XIX veka: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ped. ucheb. zavedenii* [The History of the Russian Literary Language: from the 11th to the first half of the 19th centuries]. 688 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

Manuscripts.ru. (2017). URL: <http://www.manuscripts.ru> (accessed: 19.01.2017). (In Russian)

Meshcherskii, N. A. (1981). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [The History of the Russian Literary Language]. 280 p. Leningrad, Izd-vo Leningrad un-ta. (In Russian)

Potebnia, A. A. (1958). *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the Notes on Russian Grammar]. 536 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

Remneva, M. L. (1991). *Osobennosti literaturnogo iazyka Drevnei Rusi* [Features of the Literary Language of Ancient Rus]. 103 p. Moscow, MGU. (In Russian)

SofiaTrondheimCorpus. (2017). URL: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus> (accessed: 20.02.2017). (In Russian)

Stetsenko, A. N. (1977). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. 352 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

Zholobov, O. F. (2015). *Kazanskaia kolleksiia internet-izdaniia slaviano-russkikh rukopisei XII–XIV vekov* [Kazan Collection of Internet Publications of Slavonic-Russian Manuscripts of the 12th–14th Centuries]. *Pis'mennoe nasledie i informatsionnye tekhnologii*. «EL'MANUSCRIPT–2015». Mezhdunarodnaia nauchnaia Shkola. Materialy, pp. 29–33. Novosibirsk. (In Russian)

The article was submitted on 19.03.2017

Поступила в редакцию 19.03.2017

Капралова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
afina.pallada@mail.ru

Kapralova Julia Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
afina.pallada@mail.ru